

ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ В НАГРУДНОМ КАРМАНЕ

АРТЕМЬЕВ Д.А.

12+

Денис Артемьев

**Партийный билет в
нагрудном кармане**

«Автор»

2017

Артемьев Д. А.

Партийный билет в нагрудном кармане / Д. А. Артемьев —
«Автор», 2017

Книга «Партийный билет в нагрудном кармане» рассказывает о борьбе молодых революционеров в капиталистическом обществе в переломный момент истории, когда мир мог пойти по другому социальному пути развития. Сердца партийцев не могли мириться с несправедливостью окружающей их реальности общества потребления, и они взялись за оружие. Организовав восстание «Красное Лето», пользуясь методами городской партизанской войны, они принесли себя в жертву мечте. Воевать с системой они стали не для того, чтобы победить сегодня, а учитывая реалии духовного ожирения современников, отправили недвусмысленное, гремящее выстрелами послание потомкам в послезавтра.

© Артемьев Д. А., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Денис Артемьев

Партийный билет в нагрудном кармане

Глава 1

Двое молодых мужчин сидят в меленькой комнате. Стол, несколько стульев. Из мебели всё. Единственное окно закрыто плотными синими шторами. С потолка свисает одна уцелевшая, на сломанном деревянном основании дешёвой люстры, лампочка свеча. Света доставало для того, чтобы видеть собеседника, но не хватало для создания иллюзии искусственного дня. Глаза быстро уставали. Освещение, словно умирало, краски его желтушного оттенка собирались призрачным выпотом по углам и плоскими каплями стекали в тень.

– Неужели ты не видишь – мы обречены на провал. Обществу не нужны наши идеи, – говорил обритый на лысо, широкий, как шкаф, мужчина. Светло-голубые, словно полинявшие под солнцем глаза, горят вызовом. Носогубные складки резко очерчены, рот воплощение решительной твёрдости, квадратный подбородок. Говорил он спокойно. Для него не подлежат сомнению, те мысли, которыми он делится с собеседником. Он много думал и пришёл к определённым выводам. Теперь он просто озвучивал их, ставил в известность старшего товарища.

– Ты прав Петер. Мы обречены. Нам не выиграть, и обществу потребления мы не нужны, – согласился с утверждением Петера, худой, бородатый парень с длинными густыми чёрными волосами, закрывающими уши, образующими на голове подобие шапки. Зелёные, близко посаженные глаза, лоб мыслителя, нос тонкий с острым кончиком, рот, прикрытый бледными губами, чувственный.

– Тогда зачем всё это?

– До победы наших идей мы не доживём и всё равно, наша борьба не бессмысленна. Не бывает бессмысленной борьбы. Любые действия приводят к отклику. Мы призваны показать путь. А по нему пойдут другие. Они-то и смогут преобразовать общество потребления в общество достижений. Другое общество, другие идеалы. Наш дом, в котором нам не суждено жить.

– Очередная красивая утопия, по-моему, придуманная, извини меня, неудачниками.

– Да за что извини? Быть неудачником считается чуть ли не грехом у нас. Но это далеко не так. Ещё один механизм управления и сортировки на нужных и не нужных. По сути, неудачник это тот, кто не может или не хочет вписаться в систему. Именно неудачники и двигают вперёд человечество, будят его, не дают закипеть в собственном желудочном соку. Надо потерпеть неудачу, и не суметь приспособиться, чтобы начать поиск. Стройка любого здания начинается на пустом месте. Ты же не можешь построить дом твоей мечты на крыше дома твоего дедушки. Все мы неудачники и нечего этого стыдиться. Мы за бортом. И только такие парни, как мы, добиваются настоящего успеха, а не те, кого с самого рождения укачивали в золотой колыбели. Мы плывем, и мы тонем, но обязательно, в конечном счёте, добираемся к новым землям.

– Нас никто не поддерживает. Всем всё равно, если не хуже. Как же что-то можно построить, если всех нас в стране не больше трёхсот человек. Невозможно бороться, когда нет надежды на победу.

– Настоящих революционеров не может быть много.

– Эрик, ты же сам знаешь, любая элита, плохо. Приходя к власти с лучшими намерениями, через поколение, через два поколения, она вырождается в партийную номенклатуру. Мы это видим и в СССР и Китае, не говоря уже о Корее.

– Элита не как получение социального преимущества, в виде денег, власти, имущества, а как ответственность. Ты добровольно берёшь на себя обязанности, а лучшей наградой за их исполнение будет осознание принесённой тобой обществу пользы. Оплата государственного

деятеля не может быть выше средней заработной платы по стране. Но это касается будущего, настоящие революционеры всегда существуют на средства, которые добывают сами.

– Но как, как? Я не понимаю.

– Достаточно того, что мы есть. Вся грязь, поднятая против нас пропагандой, со временем уляжется, а память останется. Наши приемники ещё ходят в детский сад, младшую школу, а может и не родились, – Эрик, на секунду задумался. – Да, скорее всего, не родились. То, что их родителей сейчас ужасает, для них будет слаще мёда. Наша бескомпромиссность, и главное вера, станет для них примером, на который они будут равняться. Быть не такими, как все, всегда привлекательно. А у нас есть ИДЕЯ и драка. Как ещё сказать по-другому, что для революционера есть только один вариант – стать нужным и жить в огне классовой борьбы? – Он, сделал паузу, наморщил лоб. – Даже не столько классовой борьбы, а сколько в войне с системой. Главное начать. Противоречия в системе накапливаются, и следующее поколение уже не захочет бездумно плавать в жиру материального накопления. Иначе, зачем? Скажи, ну зачем им все эти машины, одежда, дома, золото, деньги? Бездонный рот, желудок и жопа. Знаешь ли, надоедает быть такой скотской пародией на человека. Нашему поколению ещё не надоело, так надоест следующему. Чем отчаянней, безнадежней будет выглядеть наша борьба, тем ярче, в будущем, будет пылать огонь наших идей. Только вооружённое сопротивление может дать реакцию нужного качества и силы.

– Зачем вообще нужна городская партизанская война? Есть сильная коммунистическая партия Фаверленда (КПФ), а она-то может влиять на людей, пользуясь их доверием, сейчас. Не говоря уже о десятке других красных и розовых партий.

– Ну и чего они добились? К власти их не пускают, ситуации они никак не меняют, постепенно скатываясь к соглашательству, к встраиванию в современную политическую систему западного мира. Мы с тобой, да и большинство из наших, были членами КПФ, ходили на митинги, участвовали в демонстрациях. Изменило ли это что-нибудь? Ничуть. Нам приходится действовать в условиях постоянно увеличивающегося благосостояния общества. Каждое следующее поколение живёт лучше предыдущего. Сытость расслабляет. Одних заученных, по «Капиталу», молитв красному божеству – Коммунизму, мало для победы. Ему нужны жертвоприношения. Разбудить обывателя может лишь его собственная кровь. Когда он в толчке его собственного тёплого, третьего по счёту, на втором этаже загородного особняка, сортира, увидит красные пятна, вот тогда он по-настоящему испугается. Единственная вещь в мире способная изменить сложившуюся личность это шок, и чем он сильнее, тем кардинальнее изменения. То же самое касается и любого общества. Сегодня для них мы ужасные монстры, террористы, а завтра герои. Так всегда бывает, без этого нельзя. Костёр цивилизации горит на костях героев. Чтобы сделать съедобными потроха гуманизма, их отварили в бульоне насилия. Я люблю свою родину, люблю людей, обыватели там они или нет, в конце концов, именно для них всех, я и живу так, как живу. Умереть за счастье своего народа, вот истинная справедливость. Смерти бояться не надо. Когда ты понимаешь, что тебе не страшно, то становишься готов на всё. И вести вооружённую борьбу меня вынуждают три основополагающие установки западного мира, скрытые за обычным их лозунгом – свобода предпринимательства, вероисповедания, собраний и слова. Что может значить эта самая их свобода и демократия, если её умело препарировать:

1. Деньги. Личное обогащение, как смысл жизни. Покупать значит жить. Статус определяется вещами, их стоимостью и собственно деньгами.

2. Любовь к себе и бездушие, как первое правило существования в обществе. Тебя не касается то, что составляет работу или заботу для других людей. Важен только ты сам. Помочь нет, заложить да. Чем меньше эмоций, тем лучше.

3. Потворство любым, пускай и самым диким порокам, и извращениям, как наиболее полно составляющим их системе управления и первобытным побуждающим желаниям всех людей. Действуй на низменное, чтобы держать в подчинении. Мораль, семейные ценности,

гендерные роли – отживший своё хлам наследства патриархально традиционализма из тёмного прошлого человечества.

Так или иначе, об этом говорят на собраниях любых левых партий. Но знаешь, что мне ещё не нравится в наших придворных коммунистах?

– Что? – Петер, всегда любил разговаривать с Эриком Эйхом, но сегодня их беседа просто его завораживала и, как следствие, меняла, правда не так, как бы хотелось Эрику.

– То, как у них выдают партийные билеты. Они дают их каждому, кто изъявил желание вступить в партию.

– Как же иначе?

– Партбилет – это особая привилегия, её надо заслужить. И когда билеты раздают направо и налево, ценность этого, сакрального для меня акта, нивелируется. Вот у тебя есть партийный билет КПФ?

– Конечно есть.

– А у меня нет. Партбилет – это привилегия носителя наивысшей социальной справедливости и ответственность за будущее твоего народа. Его нужно не просто заслужить, его нужно выстрадать. Если бы я верил в загробную жизнь, то сказал бы, что это пропуск в красный рай. Иначе говоря, партбилет – это частичка души организации. Чтобы его получить ты должен измениться, а получив его начать менять мир. Партийный билет – это символ борьбы, движения, того, что ты ещё жив, что твоё сердце бьётся. И вообще, его не выдают, им награждают! Поэтому мы их получим, только когда победим.

– Нас всех просто убьют и никакие билеты нам не помогут.

– Конечно, а впрочем, может, и не всех убьют. Например, ты, можешь выжить, – на губах Эрика блуждает полуулыбка.

– Это ты брось, – Петер, почему-то, сам не зная почему, испугался. – Я такой же, как все. Просто тоскливо умирать, когда тебе не исполнилось ещё тридцати, трудно.

– Не важно, когда умирать, главное, чтобы ты выполнил миссию. Мы освещаем путь для будущего человечества. Мы Лучи. А как тебе известно свет не исчезает бесследно. Ведь видим же мы звёзды, такими, какими они были миллиарды лет назад...

Глава 2

Демонстрация шла своим ходом. В этот раз на улицы столицы Фаверленда, КПФ вывела порядка десяти тысяч человек. Достаточно внушительное количество для города, в котором жителей, считая вместе с пригородами, насчитывалось два миллиона. Шествие было обусловлено принятием парламентом очередного нового закона, регулирующего деятельность профсоюзов. По сути, документ, как его ещё называли "закон о стачках", делал существование профсоюзов бессмысленным. Он душил ограничениями и запретами, а ещё давал право властям, по сути, ставить организаторов забастовок вне закона. Собрал рабочих профсоюз на стачку, и они не вышли на работу, извольте пожаловать в камеру. Об увеличении оплаты труда, в условиях нарастающей, из года в год, инфляции, можно было забыть.

Город Давинвиль тянулся вдоль побережья на несколько десятков километров. Аэропорт, старая часть столицы, узкая линия спальных районов, железнодорожный вокзал, затем шли пригороды, а потом, после пригородов, центральная, самая густонаселённая, часть города. Такое необычное сэндвичное расположение города, обуславливалось историческими причинами первой волны заселения территории Фаверленда. Поэтому демонстрация проходила в центральной части. Люди шли под красными полотнищами, скандировали лозунги, трубили в трубы, били в барабаны. В воздухе носилось, искрилось и гудело электричество коллективного возбуждения. Солнце светило ярко, но грело уже не так, как летом. Хоть Давинвиль был и южным городом, омываемым тёплым, никогда не замерзающим, морем, к октябрю температура воздуха снижалась со знойных сорока до бархатных двадцати-двадцати пяти градусов. Сочная зелень тропиков уверенно чувствовала себя на бульварах и проспектах большую часть года. Лишь три зимних месяца столица тускнела, облетала, становясь типичным современным холодным мегаполисом. Причём происходила такая метаморфоза, как-то сразу, без перехода из жаркого лета в красочную осень. Раз, и деревья становились обглоданными скелетами. Ну, а пока зелёные, пышно богатые, облагороженные, умело подстриженные человеком, растения, равномерно распределялись по паркам, аллеям и просто по обочинам дорог. Всё аккуратно, красиво, много. В таком городе приятно не только отдыхать, но и жить. Нарушал это обывательское спокойствие субботнего утра, гомон тысяч молодых людей, идущих по проспекту Смирения, центральной улицы столицы.

Хоть демонстрация и была официально санкционирована, её колонны, со всех сторон, окружала полиция. Любое теоретическое отклонение от намеченного маршрута каралось полицейской агрессией. Участник демонстрации, попав внутрь оцепления, даже захотев облегчиться, не мог покинуть его границ до прихода демонстрации в конечный пункт назначения, к зданию парламента на площадь Орлов. Все попытки пролезть за цепь оцепления встречались дубинками. Извечных непримиримых врагов левых, злых наци, сегодня видно не было. Им и самим не нравился закон о стачках, но позволить себе выразить солидарность с красными они не могли.

Пока КПФ со своими союзниками бушевала на площади гордых Орлов, окружённая со всех сторон, сверкающими на солнце чёрными касками солдат полицейских спецподразделений, в квартале от этого людского моря, на тихой улочке, стоял микроавтобус с тонированными стёклами. В нём сидело три молодчика, не считая водителя. Они ждали окончания митинга перед парламентом, когда участники начнут расходиться. С большой долей вероятности они предполагали, что один из главных левых активистов, заместитель председателя КПФ Ивар Лай, как все его называли – неистовый Лай, двинет от парламента прямо к себе домой, благо до него было всего пять минут неспешного ходу, а может и краснопузых друзей своих прихватит. Получилось бы хорошо. Одним махом сразу нескольких. Наци давно задумали акцию устра-

шения для красных, и вот подвернулся случай, который упускать было нельзя. Сколько можно терпеть выходки этих панков. Слишком много силы они себе взяли.

Зелёная коробочка рации, лежащая на коленях, самого старшего среди боевиков наци, представительного мужчины, зашумела. Он нажал кнопку и поднеся рацию к губам, произнёс:

– Да, – он нахмурился, его красные, до блеска выскобленные бритвой, щёки побледнели, а глаза налились кровью. Начиналось, и мужчина переходил из состояния ожидания в состояние лихорадочного возбуждения.

В ответ на его "да", в динамике что-то шёпотом прокрякало и он, спрятав рацию в карман, пригладил зачёсанные назад, светло-коричневые с проседью, волосы и уставившись немигающим взором на своих спутников, проговорил:

– Лай через три минуты будет здесь. С ним ещё трое. Кончаем всех.

Боевикам не нужно было повторять дважды, достав из спортивной сумки, они натянули на головы шапочки с прорезями для глаз и рта, вооружились пистолетами.

– Они точно здесь пойдут? – пробасил один из боевиков.

– Другого пути к дому Лая нет, – командир наци не стал прятать лицо под маской. Сам он убивать не шёл, в его задачу входила координация и контроль чёткого исполнения приказа главы организации. Уперев большие белые чистые ладони в колени, командир наклонился вперёд и чётко, громко произнёс их лозунг. – Ярость и честь! – Взяв боевиков за шеи руками, приблизил их лбы к своему и сквозь зубы, с застарелой ненавистью, выдавил. – Идите и пристрелите этих красных свиней! Убейте их всех!

Короткая психологическая накачка сделала своё дело. Напряжение ожидания сменилось жаждой действий. Водитель, всё это время наблюдающий за переулком, повернулся и сказал:

– Идут.

Из-за угла, четырёхэтажного белого особняка, вышли четверо. Они что-то живо обсуждали, жестикулировали, смеялись. Демонстрация прошла без эксцессов, митинг провели в едином порыве общего братства, с верой в победу. У всех демонстрантов было хорошее настроение, идвигающаяся к дому Лая четвёртка не являлась исключением.

Два зомби с пистолетами, в дутых куртках цвета хаки, выскочили, будто из-под земли. Захлопали выстрелы. Боевики стреляли на бегу. Двоих убили сразу. Марте Зделс попали в голову: покачнувшись, она упала на спину. Глаза широко распахнуты, всё лицо успело залить кровью, дыра над левой бровью. Штермана изрешетили, превратив в дырявое ведро. Свернувшись в калачик, он лёг у стенки дома. Оставшиеся в живых двое леваков рванули назад. За ними понеслись боевики: стрелять они не переставали, палили не жалея патронов. Две пули попали в спину секретарю высшего партийного собрания Альберту Урбану, но он продолжал нелепо вихляя задом, на заплетающихся ногах, бежать. Третья пуля успокоила его навсегда. Оставался последний красный, собственно Лай, на которого и устраивалась засада. Он забежал за дом с сидящими на хвосте боевиками. Раздалось раскатистое эхо ещё двух выстрелов. А через двадцать секунд наци вернулись в переулок. Подбежав к машине, они вскочили в салон. Водитель тут же дал газа.

– Ну? Кончено? – командир волновался.

Еле проглотив азарт волнения закончившейся погони, запыхавшиеся убийцы, проговорили:

– Лай ушёл.

– Мы ему в плечо попали, а он юркнул в подворотню.

– Почему же вы его не добились?

– У нас патроны кончились. Всё пусто.

Глава 3

Их было пятеро. Главный Эрик Эйх и ещё четверо – Петер Сваар, Лора Вайнхофф (возлюбленная Эрика), Вил Авен и Генрика Шваб. Первая их совместная акция должна была пройти сегодня ночью. После убийства трёх левых активистов и покушения на Ивара Лая, красная пресса подняла невообразимый вой. КПФ организовывала одно шествие за другим. Шума получилось действительно много, но какого-либо отклика у властей он не имел. Шествие топталось на месте. Арестов не намечалось. Всем было понятно, чьих это рук может быть дело, а полицейские чины лишь руками разводили: доказательств нет и точка. Эрика и его друзей (молодое поколение коммунистов) такая ситуация бесила – их раздражала крикливая показушная позиция, которую заняло руководство КПФ, и вызывало гнев безразличие властей. Собрав не равнодушных дальнейшей судьбе левого движения людей, Эйх предложил им совершить, действительно сильный поступок – первую акцию прямого действия красных в Фаверленде.

Центральное отделение национального коммерческого банка, в старой части города на улице Чаек, призывно сверкало огнями. Недалёкое море шумело, набережная молчала. Круглое, в форме китайского фонаря, здание жило помимо и без людей. Рабочий день кончился, солнце зашло, а банк светился изнутри праздником, все три этажа суперсовременного здания, казалось выстроенного из одного стекла и света, манили, призывали. Приди и возьми. Вот оно твоё благополучие, стоит протянуть руку и всё, что ты захочешь, будет твоим – машины, дома, мебель, электроника, секс. Счастье! Счастье материального мира. Деньги решают всё. Но, тише, это тайна, которой болельщики многие. Не произнося ее вслух, они посвящают себя всего службе могущественному рогатому богу – Золотому Тельцу. Тайна! Их секретик, важнее всего на свете, нужнее. Что ж, а где же ещё может жить их бог, идолище поганое? Конечно здесь, в банке.

Для тех, кто не умеет зарабатывать и не хочет ждать, милости просим, заходите, приходите, вешайте на шею ярмо пожизненной кабалы крепостного права современного мира капитала. Одна подпись и зашуршало, замелькали купюры. Шире, шире раскрывай карман! Зачем терпеть, ограничивать себя? Ты можешь получить то, что хочешь прямо сейчас. Ведь, как оно тебе нужно?! До зарезу аж челюсти сводит. Вот эту курточку, шубку, колечко, последнюю модель автомобиля, дырку или кукан. И ты в порядке. Жизнь удалась. Подставляй потные ладошки под золотые брызги счастья! Ни о чём не думай, просто бери их и беги в магазин, на рынок, в салон, в кабак. И, трать, трать, трать... Покупай, покупай, покупай... Жри пока рожка не треснет, пей пока печень не отвалиться, блуди до тех пор, пока черенок не сотрется под корень. Вещи новенькие пахнущие заводской особой свежестью новизны, тащи их к себе сегодня в берлогу, для того чтобы завтра же они устарели и нужно было бы покупать новые. Ну, чем плоха такая жизнь? Зачем искать иной смысл существования, раз он давно найден. Да, и не забывай платить, расплачиваться за минуту, секунду угара, годами каторги. Опять деньги, но на этот раз, хоть они и идут к тебе в руки, они не твои – они банка, кредитора, системы. Кто-то обязательно обогатится, но только не ты.

Группка испуганных, до состояния скотины, гонимой на бойню, леваков прятались в парке. Прижались к забору, загородились ржавым сараем; прячась во мраке, тряслись и ждали. Никто не жаловался, но боялись все. Вил Авен, недоучившийся студент журналист (за неуспеваемость его выгнали с четвёртого курса), исходил кислым потом; особенно мокла у него мошонка. Длинные волосы обвисли сосульками, усы чёрными дугами, спускавшиеся к подбородку, серебрились капельками соли, короткий норвежский нос заложило, и он покраснел. Глаза, как всегда, скрывали квадратные чёрные очки. Даже в условиях хозяйничающей в городе ночи, он не изменил своей странной привычке. Никто из товарищей не видел цвета глаз Авена.

Он скрывал их, как великое сокровище. Партийцы шутили, что у него вообще нет глаз, называли кротом. Хоть он и потел, и тряся, отступить не собирался.

Генрика Шваб, худенькая, рыжая конопатая зеленоглазка, с маленькой грудью, с широко распахнутыми в постоянном, должно быть врождённом, удивлении глазами смотрящими открыто и, как она предпочитала думать, честно на жизнь. Её пушистые, кудрявые волосы, открывая чистый лоб, отодвигались золотистой линией их гребня наверх, начиная расти высоко и придавая Генрике вид солнечного одуванчика. Она боялась, но, как-то инстинктивно, словно ей предстояло перепрыгнуть буйное пламя разгоревшегося не на шутку языческого костра. Так она себе всё и представляла. Брачный ритуал ночи любви дохристианской эры, когда свободы было больше, а запретов и контроля меньше. Отец Генрики был священник и в значительной степени её бунт против системы объяснялся этим фактом, и форма протеста обуславливалась данным ей отцом воспитанием. Она училась на геолога (в геологоразведочный институт она тоже поступила против воли отца) и до сих пор смотрела на мир сквозь призму некоторых религиозных представлений. Генрика, в своих суждениях, либо отрицала религиозные идеи и отталкивалась от них, либо неосознанно искала подтверждения неких догматов веры в коммунистической идеологии.

Лора Вайнхофф почти не испытывала страха. Почти, но не совсем. Её страх можно было назвать крайней степенью волнения, предвкушения того, о чём она давно мечтала, а Эрик нашёл в себе смелость воплотить в жизнь. Борьба стоила жизни. Против зла, за будущее светлое коммунистическое (обязательно коммунистическое, другого она не понимала и не признавала) завтра. Она была сирота. Её приёмные родители типичные буржуа, которых она не любила (потому что они не любили её), привили ей отвращение к стяжательству, накопительству; раз и навсегда заведённому порядку в их семье, где весь смысл существования сводился к одному своему драгоценному "брюху". Закончив педагогический колледж, она год работала учительницей младших классов. Из школы её уволили за слишком вольно-фривольное понимание учебной программы, а больше за эпатазирующий внешний вид. Дырявые шорты, тяжёлые армейские, всегда расшнурованные, ботинки и майки с фотографиями Ленина, Сталина, Мао и Че. Да к тому же Лора занималась неприкрытой агитацией старшеклассников, курила с ними, пила пиво, одним словом, наводила крамолу. Несколько раз её предупреждали, уговаривали, внушали. Ей легче было уйти, чем изменить принципам свободы, пускай и находившим пока воплощение только в её внешности. На обложке свода правил, по которому она жила, красовалось экстремальное слово – Фанатизм, наиболее полным образом объясняющее все кульбиты её поведения.

Лора была натуральной брюнеткой. Короткая стрижка, чёлка прямая линия, лоб наполовину открыт, затылок, ещё чуть-чуть и можно было говорить, выбрит. Лицо овальное, кожа белая до невозможности; луна, прозрачная до степени свечения изнутри, тем интереснее смотрелся румянец возникающей, в периоды волнения, на её щеках. Глаза чёрные, с таким оттенком, когда зрачок и радужная оболочка становились одним целым. Лора смотрела и неподготовленному человеку, первый раз с нею встречающемуся, становилось неуютно. Глаза наркоманки, или демона. Вся из себя тоненькая, с осиной талией, с высокой грудью; пока Лора стояла неподвижно на месте, сидела, то, со стороны, выглядела изящной, но стоило ей сделать шаг и истинно женский шарм уступал место нахальному, выставленному на показ, образу хулиганистого подростка. Всем видам одежды, она предпочитала джинсы (если не носила драные шорты, тоже джинсовые) и водолазки с неизменной серебряной цепочкой, надетой поверх, а иногда и майки, когда ей было нужно выказать свою позицию, сделать назло. К тому же она курила. Красилась редко, но если и накладывала косметику, то предпочитала украшать веки зелёными тенями с жёлтыми звёздочками на внешних уголках глаз. Получались две кометы с зелёными хвостами, летящими к ямкам висков Лоры. Необычный персонаж. Лора, запоми-

налась сразу, врезалась в память навсегда, иногда насильно. Всегда активная, инициативная, впереди. Знамя движения, воплощенное в женскую плоть.

Первый соратник, заместитель Эрика Эйха, Петер Сваар, крепкий, лысый, скрытый юдофоб. Он из всех членов пятёрки меньше всего страдал от приступа неконтролируемого мандража перед акцией. Учился он на историка, и учился хорошо. Занятий старался не пропускать, в родном учебном заведении вёл себя тихо, из общего числа студентов не выделялся. Многими настроенными на левую волну однокурсниками считался за правого обывателя. Петера это устраивало. Своё членство в КПФ он не рекламировал и на митингах к микрофону не лез.

– Скоро одиннадцать. Не пора ли нам, Эрик? – Лора, выразила нетерпение первой, но чувствовалось, что одного с ней мнения придерживаются и остальные. Ожидание вымотало всех.

– Пожалуй.

Сигнал к действиям был воспринят товарищами с облегчением. Частичка корки напряжения сжимающего сердца, отвалилась, дышать стало легче. Юные революционеры склонились над большим баулом. Прожужжала молния, руки вторглись в раскрытое чрево сумки. Достали чёрные шуршащие ветровки, красные платки на лицо, бутылки. Бутылки были заполнены горючей смесью – "Коктейль Молотов". Горлышки заткнуты белыми лоскутами ткани – фитилями. Переодевшись, прикрыв лица платками, леваки, гуськом, маленькой колонной, возглавляемой Эриком, быстрым шагом, пошли к блистающему во тьме храму капитализма. Последние двадцать метров они пробежали. Растянувшись в линию вдоль круглого фасада, группа зачиркала зажигалками. Затеплились рыжие огоньки, беспокойные птички, рвущиеся из рук революционеров на свободу. С этим желанием никто спорить не захотел. Довольно синхронно они размахнулись: бутылки ушли назад и вниз, потом резко взлетели над головой вверх, оторвались и, кувыркаясь огненными шарами, понеслись в стеклянный стакан банка. До здания было не больше десяти метров, а ребятам казалось, что их метательные снаряды летят через всю вселенную. Таким долгим им показался полёт от них до первого громкого, оглушающего «дзинь-бабах!». Стёкла оказались прочнее, чем они рассчитывали. Лишь одна пущенная мощной рукой Петера бутылка смогла преодолеть стеклянный барьер: проделав дыру в витрине второго этажа, бутылка стукнулась об угол стола, лопнула, залив жидким огнём чей-то кабинет. Остальные бутылки, разбившись, выплеснули из себя бензиновую смесь, стекавшую по стеклянным стенам, горящим водопадом. Запылало!

Не став любоваться на дело своих рук, пятёрка пустилась наутёк. Страх сменился азартом. Адреналин жёг вены не хуже, чем коктейль Молотова. В парке сняли ветровки, платки. Затолкали ставшие ненужными и опасными вещественные доказательства свершённого преступления в урну. Вил, плеснул из пузырька, поджёг. В чёрных зеркалах его очков заплясал оранжевый дымный тюльпан.

Из парка уходили разными путями, по одному. Сирены полицейских машин заныли, уже когда ребята были далеко. Горящий победным факелом банк и экстремистов разделяло несколько кварталов. Каждый заранее продумал пути отхода. Девушки, пошли по самому простому пути, взяли такси и доехав, независимо друг от друга, до железнодорожного вокзала, пересели там на автобусы и таким манером добрались до дома. Парни избрали другой вариант. Заранее договорившись со своими друзьями, они, после акции, пошли к ним в "гости". Побухать и переночевать. Никто из друзей об акции ничего не знал, так что получилось вполне естественно. Стиль жизни левой общины предусматривал такие поздние визиты товарищей и совместные ночёвки.

Никого не задержали. Банк сгорел полностью. Акция получила общественный резонанс и активно обсуждалась в буржуазной прессе. В общем её неожиданно поддержала значительная прослойка общества, на что Эрик с товарищами вначале и не рассчитывали. Через три дня

пятёрка в полном составе собралась на съёмной квартире приятеля Петера, студента однокурсника. Сидели в большой комнате за круглым столом. Хозяина квартиры услали за выпивкой.

– Всё это хорошо, но мало.

– Эрик, что ты имеешь в виду? – Генрика, махнув рыжим одуванчиком головы, заблестела глазами.

– Наша акция, проверка на способность к самостоятельным действиям. Поджог будоражит воображение обывателя, но ничего кардинально не меняет. Ситуацию переломить может только настоящее вооружённое сопротивление. Наци давно к такому пониманию борьбы пришли.

– Правильно, – Петер, тихонько стукнул по столу кулаком.

– Что же нам пример с нацистов брать? – Вил в удивлении приподнял над очками мохнатые гусеницы бровей.

– Я говорю о том, что пули прокладывают путь к революции. Система начнёт относиться к нам по-другому.

– Да, и всех нас быстренько закроет, – Вил Авен, всё ещё не понимал.

– Да у них клыки давно сгнили, – Лора усмехнулась и затянулась сигаретой, потянувшись вперёд. – Кусать нечем, понимаешь? Нам вполне по силам их победить. Они хоть и большие, но дряхлые, – выпустила облачко сигаретного дыма в потолок. – Чего ты боишься?

– Я ничего не боюсь. Просто, что вы, собственно, предлагаете?

– Городскую партизанскую войну против системы. Мы такие в стране не одни; создадим свою организацию. Объекты – чиновники, руководители карательных отрядов полиции, крупные корпорации.

– Я – за, – Генрике Шваб идея пришлась по душе. Остальные члены пятёрки тоже были “не против”: подготовленные к действию предыдущей жизнью в партии, совершённым совместно поджогом, они хотели большего. – Нам оружие будет нужно, транспорт, деньги. Ведь мы на нелегальное положение перейдём. Да?

– Да. Этими вопросами я сам займусь. – Эйх говорил так, что ему хотелось верить и без всяких объяснений, но он их дал. – Оружейник у нас есть – токарь, на металлообрабатывающем заводе работает. Твой знакомый Петер.

– Мой приятель, сочувствующий. Я его со школы знаю, правильный парень. Я с ним говорил, щупал на предмет изготовления оружия.

– На роль оружейника подойдёт? – Эрик задал вопрос, на который знал ответ.

– Он и так для себя пистолеты делает. Почему бы ему не сделать одолжение мне?

– Машины надо будет учиться угонять. Ну а деньги будем добывать экзами. – Лора говорила с воодушевлением. Для неё всё было просто.

– Да, это детали. Главное набрать силу. А сила в активе. Придётся по отделениям КПФ поездить. – Эрик заранее всё продумал. – Создание нашей собственной организации будет означать автоматический выход из КПФ.

– Мы и так сами по себе, – Петер, как думал, так и говорил.

– Это паразитизм, – Генрика высказала сомнение. – Мы можем стать причиной раскола.

– Положительный паразитизм, Генрика, положительный. Ради них всех, ради торжества красной идеи. – Эрика не смутило такое мнение товарища. – Не пойдём же мы на улицу в боевую организацию агитировать. И раскола не будет. Ты же всерьёз не думаешь, что все захотят рисковать своей свободой и жизнью. Я больше, чем 100–150 человек набрать со всей страны не рассчитываю. А потом руководитель каждой ячейки будет заниматься вербовкой новых членов самостоятельно.

Глава 4

Через полгода произошёл первый съезд новой партии, по сути, представляющий состав его верховного комитета. Сто пятьдесят человек привлечь не удалось, не вышло сагитировать и сто, всего в актив вошло девятнадцать человек. Пять пятёрок. Две в столице по пять человек и три по три бойца в других трёх городах миллионниках Фаверленда. Партию назвали – Ударная Революционная Армия Фаверленда (УРА Фаверленда). Целью съезда была выработка программной платформы, манифеста, выборы руководства и распределение первичных целей приложения сил между пятёрками партии. Последняя цель превалировала над остальными. УРАФ строилась, как организация действия и поэтому книжная теория уступала место практике метких выстрелов. Весь лаконичный текст манифеста уложился всего на одной странице:

«Товарищи!

Мы, новое поколение представителей коммунистических организаций страны, объявляем о создании новой партии – Ударной Революционной Армии Фаверленда. Мирные методы борьбы за коммунистическое завтра Фаверленда не оправдали возложенных на них надежд. В условиях набирающей силы реакции любые мирные акции протеста теряют смысл. Поэтому наши первые шаги будут озвучены выстрелами, а каждый день борьбы окрашен в красный цвет.

Переход наиболее прогрессивной части активной молодёжи к вооружённой борьбе обусловлен полицейскими, абсолютно незаконными, действиями властей с одной стороны и их же бездействием, в части касающейся расследования совершаемых актов насилия против коммунистических лидеров, с другой. Мы берём оружие в руки осознанно. Правительство должно уйти в полном составе в отставку. Мы отомстим, мы отстоим, мы не уступим. Никаких переговоров с властями. Нам не о чем договариваться с ними. Они уходят, мы остаёмся.

Наш фундамент – рабочий класс, в широком смысле этого слова, на него мы опираемся, его и коммунистического движения, в целом, интересы защищаем. Наш враг большой капитал и его прислужники. Идеал – Коммунизм! Нашей главной целью объявляется переход от существования народа в рабском состоянии общества потребления, к социально справедливой модели достойной жизни любого человека в обществе личных достижений. Существующая капиталистическая система будет ликвидирована. Мы обещаем и клянемся, беспощадно уничтожая врагов, довести нашу борьбу до победы – до полной капитуляции всех буржуазных институтов.

Смерть системе большого капитала!

Верховный комитет УРАФ.

11 апреля 1982 года»

Определившись с манифестом и утвердив на должность главнокомандующего вооружёнными силами УРА, Эрика Эйха, приступили к обсуждению даты начала фазы вооружённой борьбы. Всего на верховном комитете УРА принимало участие 5 командиров пятёрок, причём первая пятёрка Эйха участвовала в полном составе. Итого – 9 человек.

Полуподвальное помещение, с закрасненными белой краской окнами, заполнено туманом никотинового дыма. Накурено, душно. На длинном прямоугольном столе полные пепельницы; стоят кружки с коричневой настойкой крепкого чая, лежат листы бумаги, тетради, ручки.

– Товарищи, копии манифеста предлагаю разослать по газетам, телеканалам, радиостанциям. В первую очередь имеет смысл ознакомить с текстом манифеста членов КПФ и других родственных партий. Сделать это не сложно; пускай руководитель каждой пятёрки решит, как лучше это сделать. Перейдём сразу к наиболее важным вопросам. Для того чтобы партия могла

нормально функционировать нужны средства. Добровольно нам никто их не даст. Вывод – не дают, возьмём сами.

Из лежащей, перед ним, папки, Эрик достаёт несколько листов бумаги с напечатанными на них столбцами текста. Раздав командирам пятёрку по одному листу, он продолжил:

– На этих листах перечислены объекты, где мы можем взять деньги. Как видите, они уже распределены по городам. Вам остаётся самостоятельно разработать планы по экспроприации. Оружие вы получите завтра. Предупреждаю сразу – на всех не хватит, но по два-три ствола на пятёрку, обещаю.

– Этого мало, – Зандер Зак представлял второй по величине город Фаверленда. Он всегда был недоволен, всегда спорил. – Два пистолета на пятерых, маловато.

– Твои ребята получают три, – Зак, толстый, большой, шумный, красный, с лицом, награждённым лосиными губищами, всегда и во всём сомневался. Вот и сейчас, услышав про всего три пистолета, покачал головой. – Остальное твоё дело, как и, впрочем, каждого командира пятёрки. Чем можем, поможем. Из списка выберете несколько подходящих вам целей. На проведение первых эксков даётся два месяца подготовки; дальше лето, на которое мы рассчитываем, как на начало городской войны. У каждой пятёрки есть из чего выбирать – всем досталось примерно поровну, десять – пятнадцать объектов. Нужно взять по три из пятнадцати.

– А если не сможем? – Вопрос задал Карис Ган, руководитель второй пятёрки столицы. Выглядел он, как менеджер среднего звена – причёска на правосторонний пробор, костюм, подтянутая фигура атлета. Такой красавец мало соответствовал классическим представлениям о том, как должен выглядеть пламенный революционер, тем не менее, он был преданным, фанатичным бойцом, готовым на любые жертвы и Ган совсем не боялся смерти. – Что тогда?

– Карис, надо смочь. Иначе мы потеряем темп. Не тексты на бумажках, которые мы с вами здесь понаписали, будут нашим программным заявлением, им станет "Красное лето". Заявим о себе акциями, а не болтовнёй.

Лора, подняв руку, попросила слова:

– Товарищи, для большей эффективности наши отряды должны быть полностью изолированы друг от друга. Автономные группы дольше смогут функционировать в сложной ситуации. Не подлежит сомнению, что нас будут ловить. Некоторых убьёт. – Несколько революционеров поморщились. – Да, убьют. Другие будут арестованы. Роль верховного комитета, в этом случае, сводится к координации и выработке общей идеологической линии. В таком случае каждый командир и его люди будут просто обязаны сами заботиться о себе. Не ждать помощи из центра, а самим брать. Стреляйте врагов, совершайте экссы. Очень скоро вы повзрослеете. Сможете обеспечивать себя сами. Народ ждёт наших активных действий, а не жалоб. Многое в нашем деле зависит от начального позитивного настроения. Иначе, лучше ходите и дальше на бессмысленные митинги и попусту машите красными флагами.

Обращение Вайнхофф встретили кивками, означающими молчаливую овалацию одобрения. С ней были согласны ещё и потому, что на её фоне мужчины не хотели выглядеть нытиками. Дальше на комитете обсуждались детали предстоящих акций, связь, сроки, обеспечение конспирации. Разошлись за полночь. Эрик и Лора ушли вместе.

Глава 5

Домой Лора и Эрик не пошли. Хотя эта была их последняя ночь на легальном положении, после завтрашней публикации манифеста, они с товарищами договорились съехать со своих прежних квартир. Отныне их ждали частые переезды.

Зайдя в подъезд дома Эрика, они поднялись на последний двенадцатый этаж и через, оказавшейся не запертым, чердак, выбрались на крышу. Теперь влюблённые лежали на крыше и смотрели на звёздное небо. Глубина наивысшей полноты крыльев космической тьмы, подкрашенная драгоценными разноцветными льдинками звёзд призраков. Романтика бесконечного траура. Великий Космос и ты такой маленький, что и заметить-то тебя трудно, да никому и не нужно. И всё же ОН внушал надежду. Страх тоже был, но не он играл главную роль в концерте разнообразных, сотни тысяч лет обуревающих сердца людей, чувств.

В звёздное небо можно было верить, как в точку отсчёта, как в бога. И тогда ты сам мог начинаться с него и никогда не заканчиваться. Космос бескорыстно и безучастно одаривал бессмертием обретающего бесконечность, собственного, открывшегося миру, сознания. Вход в большое через малое. Перевёртыш космической реинкарнации пространства и времени, ведущий в фантазию и память. Холод беспредельно заполняемой, и никогда никуда не уходящей, пустоты. Недостижимое, необъятное, непостижимое. Молчаливый вызов пылинке человеческого разума; обречённое поражение дерзнувшего на завоевание, в сущности, никому не нужного, знания. Бесмысленное величие недостижимого идеала чудовищной красоты, которую человек никогда не сможет описать, написать, отобразить или иным способом выстрадать, в любых искусствах прошлого, настоящего и будущего, не сумеет ни понять, ни прочувствовать, ни вычислить, но которое всегда будет поражать, толкать вперёд, убивать и рожать, рожать и убивать. Вселенная.

– Сколько звёзд! Эрик, посмотри, мне кажется, я вижу их цвета, – сейчас Лора, говорила совершенно иначе, чем на партийных собраниях, в интонациях её голоса улавливалось искреннее детское удивление громадностью непонятого мира.

– Да, Лора, нам повезло. Такая прозрачная ночь не часто бывает. Весна, лучшее время в году.

– Как ты думаешь, есть где-нибудь такие, как мы? – наивный вопрос. Лора, захлопала глазами и повернула голову к Эрику.

– И такие, и другие. Вселенная бесконечна.

– Наверное, есть такие, которые другим помогают, – Лора говорила с надеждой.

– Есть., – Эрик был убеждён.

– Почему же они не пришли к нам?

– Не знают о нашем существовании. Голубое семечко Земли затерялось где-то на самом краю нашей галактики.

– Думаешь, они к нам ещё прилетят?

– Нет. Нельзя надеяться на их помощь. Придётся самим.

– Да, никому мы не нужны, – Эрик понял: она говорила не только про инопланетян. Это её "не нужны" относилось, по большей части, ко всему человечеству в целом.

– Лора, ты совсем не веришь людям.

– Меня так учили. Вся жизнь. Прямо не говорили, но поступками показывали, что врать это нормально, так и надо; по-другому не выжить. Быть паталогически влюблённой в себя дурой прекрасно. Меньше чувств, больше покупок. Хочешь жить хорошо, проходи мимо чужих несчастий. Иди, торопись, а лучше беги по дороге жизни, гоняйся за достатком. Не оглядывайся на прошлое, не задумывайся о будущем, живи настоящим.

Каждое её слово было пропитано горечью, которая сочилась короткими рубленными фразами прямо в уши её любимого. Лора, бесхитростно, первый раз в жизни, открывала душу, и давалось ей это на удивление легко.

– А мне ты веришь? – Эрик тоже любил её. Его вопрос подразумевал другой вопрос, настоящий, который интересует любого влюблённого. – "Я люблю тебя. А меня ты любишь?".

– Что ты! – Лора грустно улыбается, её брови взлетают в удивлении на лоб. – Я ведь тебя люблю. – Вот так просто она изгоняет из его сердца все сомнения. Взяв руку Эрика, прячет её в своих ладонях, окутывает в нежность лёгких прикосновений. – Люблю. Через тебя и к человечеству по-другому относиться стала.

– А нашим товарищам ты доверяешь?

– Я их уважаю, – Лора, стала серьёзной. – Некоторых побаиваюсь, других не понимаю, но полностью доверяю только тебе.

– Что же ты их подозреваешь? Но, в чём?

– Нет. Просто мне трудно с ними. Расслабиться до конца не могу.

– Этого и не надо. Главное верить.

– Я верю. Смотрю на звёзды, потом на тебя, и верю.

Лора в это мгновение чувствует себя счастливой. Рассмеявшись, она обняла и поцеловала Эрика в губы. Оторвавшись от начала любовной прелюдии, Эрик сказал:

– Ты права. Любовь и революция сёстры, за них умирать не жалко.

К себе в квартиру они пришли ближе к трём часам ночи. Оба устали. Один долгий день прошёл, другой наступал. Молодость, счастье настоящей любви, питало их, вера в революцию делала неутомимыми, железными.

Раздеваясь, Лора, с хитринкой в голосе, спросила Эрика:

– Скажи мне, как в твоём сердце неистового бойца, уживаются столь противоречивые желания.

– Какие?

– Бескорыстие, ежеминутная готовность к самопожертвованию и тяга к вещам?

Да, Эрик, убеждённый сторонник мира духовного, любил вещи из мира сугубо материального. Грубо говоря, он сам был барахольщиком. Многого он позволить покупать себе не мог, денег не хватало, но то, что у него висело дома в шкафах, отличалось наивысшим качеством. Товарищи знали об этой его слабости (он её не скрывал) и предпочитали закрывать на неё глаза. Эйх страдал от невозможности избавиться от страсти приобретательства; об этом тоже все знали; многочисленные попытки перестать гоняться за шмотками заканчивались, рецидивом озлобленного, вынужденным воздержанием, шопинга. Эрик выделялся среди знакомых леваков своим франтоватым внешним видом. Никаких подделок из третьего мира он не носил и не признавал: сплошные бренды с мировыми именами. Он лучше бы поголодал неделю другую, занял, но купил бы то, что ему нравилось. Эйх никогда не довольствовался убогим ширпотребом. Часы он носил швейцарские, золотые. Костюмы итальянские, сорочки шёлковые. Джинсы американские. Свитера, куртки, майки, всё только фирменное. Парфюм французский, самый дорогой, самый лучший. Конечно, он все богатства своего гардероба напоказ старался не выставлять. На собрания и прочие партийные сборища одевался довольно скромно (выделялся всё равно, просто не так выпукло, чтобы никого не раздражать), оставляя себе возможность выпендриваться в других местах массового скопления народа. Он любил посещать кинопремьеры, изредка захаживал в театры, обожал посиделки с непартийными приятелями в ресторанах (хотя таких загулов вне партии становилось всё меньше, чем серьёзное становилась их борьба, и тем дальше от него отдалялись обычные беспартийные друзья). Лора жила с ним пятый месяц и хорошо знала обо всём, включая и слабость, питаемую им к броским вещам. Но прямой вопрос о причинах его зависимости задала впервые.

– А-а, вот ты о чём. Сам не попробуешь, не поймёшь. Я понимаю, что болен и никак свою болезнь не оправдываю. Поэтому, я хорошо чувствую ненужность постоянного приобретения, весь идиотизм преклонения перед вещами. Избавиться от тяги к красивым, новым вещам до конца не удаётся. Утешает одно: скоро мне совсем некогда будет заниматься шопингом. Вооружённая борьба излечит от позорного недуга.

– Не переживай, ты мне и без одежды нравишься. Иди ко мне.

Лора, уже раздевшись, лежала под одеялом, протягивая к Эрику обе руки. Сейчас он не была революционеркой, на остаток ночи она стала просто женщиной.

Глава 6

Воплотить в жизнь планы масштабной экспроприации, буржуазно-воровской прослойки Фаверленда, у УРА с наскока не получилось. За полтора месяца все группы вместе совершили всего пять акций, две из которых оказались неудачными.

Карис Ган со своими бойцами (он довёл численность группы до пяти человек) из всего предложенного им списка возможных объектов экспроприации выбрал криминального авторитета, держащего пригороды столицы в железных тисках своей алчности. Публичные дома, подпольные игорные дома, торговля наркотиками: Жир Пухис не брезговал ничем. Естественно, его ежемесячный доход измерялся миллионами наличных марок. Часть их должна была оседать у Пухиса непосредственно в его штаб-квартире – загородном особняке. Оттуда он руководил делами. Ган разумно рассудил, что в полицию мафиози не побегут, а денег теоретически можно взять у Пухиса больше, чем в любом отделении центрального банка. Двадцать дней наблюдатель из его пятёрки – Марк Сион следил за особняком криминального авторитета. В его обязанности входило тщательное составление расписания распорядка дня Пухиса – «Что? Куда? Когда?». Ган не рисковал и не организовал серьёзного наблюдения полностью положившись на расторопность Сиона; хоть он и был новеньким и никак ещё не сумел проявить себя в партийных делах, Ган считал, что такое простое задание, выполнить ему вполне по силам и потом, такая проверка обкатает новичка, приблизит к настоящим делам. Нужно доверять товарищам.

Ночи конца апреля и начала мая в этом году выдались довольно прохладными и Марк, и так сидевший круглые сутки напролёт в сосновой роще, растущей на холме перед особняком Пухиса, позволял себе каждые пять-десять минут отхлёбывать из фляжки с бренди. Заедать жгучую горечь приходилось яблоком. Другой закуски в холодильнике на съёмной квартире не нашлось, и это было хуже всего. Яблоко. Вялый запах чуть заветренного обкусанного плода яблони. Ощущения пробуждались, выбирались из-под завалов шлага времени – в основном неприятные воспоминания из прошлого. А разве бывают другие? Марк Сион ненавидел себя, да и к другим, в частности к партийным товарищам, не питал особой любви. Как только он почувствовал яблочный запах, шестерёнки памяти закрутились, цепляясь за соседей, вытягивая за собой звуки, образы. Стук дверок железных шкафчиков. Детские колготки. И снова запах – варёная капуста и молочный суп. Страх и одиночество. Пожалуй, тогда в детском саду, когда мать начала оставлять его там на целую неделю, он, в полной мере, и прочувствовал свою никчёмность.

"Всё, меня накрывает серый саван депрессии. Подавленное состояние неудачника. Ну, почему? Ни дня, ни часа, ни минуты в жизни я не был счастлив. Я похож на маленького зверька, с вечного перепуга, забившегося в норку, молящегося своему подлому крысиному богу. И мечта лишь об одном, чтобы собаки охотников прошли стороной, не заметили, не вытащили ради забавы меня на свет. Ведь и шкура моя блохастая никому не нужна. Меха дерьмо, мяса на костях почти нет. Но нет, собачкам нужна ежедневная тренировка сноровки. Меня вытаскают, схватят острыми зубами за бока и вытащат. Охотник не позволит псам порвать зверушку. Нет, пытка продлится. Полумёртвого от страха посадят в клетку и увезут. Туда, не знаю куда. А детишки, – ох эти подлые существа, – пришедшие на меня посмотреть, в хлебный мякиш насуют иголок, лезвий и кинут мне, чтобы просто посмотреть, что будет. Холодное любопытство, не больше. Никакой настоящей жестокости, просто интерес. Чудной зверёк умрёт не сразу. Вот потеха, будет смешно корчиться, выгибаться, попискивая выхаркивая рубиновые капли.

Жалко, мне так жалко себя, даже противно. Господи, да я даже девушку от хулиганов защитить не могу. В постели у меня не любовь выходит, а акты какого-то порно осквернения.

Некоторым нравиться. Или они делают вид? Я же способен лишь гадить, и то скорее не полноценно гадить, а подгаживать. И вот тебе на, полез к этим сумасшедшим. Пристрелите меня, чтобы всё уже закончилось. Не-ет, я хочу жить. Не знаю как, но хочу.

У предателей и б*ядей нет души. Общеизвестный факт. Аксиома. Может я предатель. Я, конечно, пока никого не предавал. И всё же суть не в этом. Могу ли я предать, вот в чём вопрос. Или я проститутка. Хочется надеяться на лучшее. Тогда да, я, пожалуй, проститутка. Естественно, был шлюхой в прошлой жизни. Нынешняя жизнь моё наказание за прошлые грехи. Индивидуальный ад хронического лузера. А они меня за своего принимают, за равного, за руку со мной здороваются. Может все такие, как я? Насколько бы мне стало легче, если бы я точно знал, что всё так оно и есть. К сожалению, это невозможно, очень хотелось бы, но невозможно. И к сожалению, я не настолько глуп, чтобы верить в такие глупые сказки. Правда меня на акциях никогда вперёд не ставили. Наверное чувствовали, что со мной что-то не так. Я у них "подай-прими", революционер третьего разряда. И хорошо. На шухере постоять, проследить за кем-нибудь, это ещё куда ни шло. А вот стрелять с обеих рук, прыгать по крышам, извините. Да и не смог бы я. Обделался бы у всех на глазах. Ну почему я такой? Что за несправедливость? Другим всё нипочём, и огонь, и боль, и смерть. А мне... Я тоже хочу, чтобы люди стали жить лучше, по-другому. Сам не умею, но хочу. И не могу. Не могу выносить этого страшного напряжения. Меня могут поймать. Тогда, конец.

Будь всё проклято, опять этой гнилой капустой пахнет. Фантом, хоть не пей. Что мне эта революция? Хаос постоянного движения. Дорога в никуда. Но и премудрым пескарём, я быть не желаю. И так хреново, и так тошно. Значимость свою повысить! Дурак. Кому я вру? Себе. Зачем? Не знаю. Жить так невозможно. Ведь ни одного счастливого мгновения, одни мытарства и страх".

Самоуверенный командир не знал об ущербности Сиона. Хороший аналитик с одной стороны и плохой психолог с другой, доверился новичку. А тот вместо слежки стучал зубами, бухал и при первой же возможности халтурил – покидал пост, возвращался к себе на квартиру, предпочитая дополнять отчёты выдумками. В результате пятёрка Гана пошла на дело, не зная реальной обстановки.

Марка Сиона оставили на прежнем месте, страхующего группу, наблюдателя. Он засел в по-весеннему зазеленевших кустах на обочине дороги, идущей вдоль сосновой горки, где он последние три недели должен был наблюдать в бинокль жизнь главаря преступной группировки – Пухиса. Обедал Жир в четыре часа дня. Бригадиры съезжались к нему около семи. Охраняли виллу всего трое охранников (по данным Марка). Один на воротах, два других внутри дома. На экс революционеры рассчитывали потратить не больше пятнадцати минут. Раздобыли две машины (угнали). Первую, предназначенную для отхода, припарковали в полукилометре от виллы мафиози, ближе к маленькому городку, в котором, последний месяц, жил Марк. Отправились в гости к бандитам на втором автомобиле – тяжёлом старом американском джипе. У троих бойцов были кустарно изготовленные, оружейником УРА, пистолеты, а четвёртого вооружили топориком. План был не замысловат и рассчитан на внезапность.

Разогнав внедорожник, революционеры протаранили ворота особняка. Сшибли их к грёбаной матери. Створки, оторвавшись, отлетели далеко в стороны. Въехав во двор автомобиль сразу затормозил. Двери открылись, из салона выпрыгнули закутанные в чёрное, до самых глаз, бойцы. Ган выскочил первым и разрядил обойму в стеклянную кабинку охранника, мозолящую глаза с правой стороны от ворот. Выстрелы звучали как-то не серьёзно, словно детские хлопучки. Самопальная пушка расплёвывала пули со значительными отклонениями. Из восьми выпущенных пуль, три прошли мимо цели. При этом кабинка находилась всего в пяти метрах от Кариса Гана. Но и пяти, попавших точно, хватило. Охранник, обливаясь кровью, повис в проёме окна. Он ничего не успел предпринять, его не убили, но вывели из строя – раздробленная челюсть, касательное ранение головы и две пули в живот.

Четвёрка смельчаков рванула к особняку. Их встретили выстрелы. Сначала стреляли двое охранников с первого этажа, а потом (вот сюрприз!) застрекотал автомат третьего со второго этажа. Сион их не предупредил об этом третьем, но это было бы полбеды, бежать до дверей предстояло секунд пять, и они уже успели преодолеть половину пути, когда по ним начали стрелять откуда не ждали; самое ужасное, что подобралось к красным бойцам с тыла.

Недалеко от отдельно стоящего логова Жир Пухиса, собственно, в коттеджном посёлке, лежащем за поворотом, в доме ближайшем к особняку, проживала, столовалась, основная часть боевиков его группировки. Причём пять бандитов всегда сидели уже в автомобиле наготове. Остальные пятнадцать человек отдыхали в доме. Работали они посменно. Поступил сигнал тревоги, и они на всех порах помчались на выручку к шефу. При изначально тщательно проведённой разведке не заметить этот криминальный резерв было невозможно. О нём знали и в посёлке, и в городке. Да и при выезде хозяина с территории особняка, в его эскорт всегда пристраивались авто, неизменно вырulingивающие в назначенное время из-за поворота. Марк Сион, не обратил на них никакого внимания тогда, а теперь увидев вылетающий на дорогу длинный чёрный мерс, опешил, заледенел, охренел.

Товарищи Марка угодили в ловушку. Надо было покидать насиженное местечко и бежать к ребятам. Был шанс, добравшись до ворот, крикнуть, что всё кончено и рвать когти. Его могли заметить, а значит убить или схватить, что гораздо хуже – оказаться в лапах у бандитов означало получить на обед похлебку, сваренную на костях боли и щедро сдобренную заправкой из унижений. Он медлил, а потом оказалось поздно. Мерседес подъехал к воротам из него выпали бандиты, сплошь вооружённые короткоствольными кургузыми автоматами. Марк потихоньку, прикрываясь зарослями кустов, пополз по склону вверх. Оказавшись среди деревьев, он пустился наутёк. Сердце щемилось в заячьем галопе, голова отключилась, лишь бы сбежать, лишь бы его не заметили.

Парни Гана открыли ответный огонь. Заняв места за колоннами, под козырьком особняка, они обезопасили себя от автоматчика, стрелявшего в них сверху и теперь имея двукратное преимущество в стволах, рассчитывали подавить охрану и проникнуть внутрь дома.

Пять бандитов, набегающих с тыла, открыли огонь одновременно. От большого желания они совершили тактическую ошибку. Вместо того, чтобы подойти ближе, они начали поливать свинцом налётчиков прямо от самых ворот. Стоявший справа от Гана красный экспроприатор, молоденький, горячий, Шен Сон, тот самый, который пришёл на экс с топориком, получив пулю в шею упал замертво; только после его смерти остальные поняли, что подверглись нападению с неожиданной стороны. Ган сообразил – им не выстоять. Численное преимущество бандитов, революционеры зажаты меж двух огней, надо уходить.

Отстреливаясь, преследуемые подавляющей огневой мощью, ни в какое сравнение, ни шедшей с их убогими самодельными пукалками, три бойца отступили за угол дома. Пока красные добежали до забора у них ранили ещё одного бойца из пятёрки. Забор экспроприаторы перемахнули словно кенгуру, одним эпичным прыжком. То, что боец ранен ему самому стало ясно только уже через пятьдесят шагов после преодоления препятствия двухметрового кирпичного забора. У бежавших за ними бандитов не было такой запредельной мотивации, как у революционеров, которые спасли свои жизни, поэтому стену они с разбегу штурмовать не стали, а перелезли, пользуясь взаимной поддержкой. Время было потеряно, налётчики ушли, оставив, на поле боя, труп товарища.

Можно сказать Гану повезло, трусость раздолбая Сиона могла им стоять гораздо дороже. Всего одна смерть и боец, раненный в плечо. Первые потери УРА и за них виновный должен нести ответственность.

Глава 7

Зандер Зак выдумывать велосипед не стал, он со своими ребятами решил взять банк. Ничем не примечательное отделение, местного самого крупного в городе, банка, прописавшееся в спальном районе. Одноэтажное, отдельно стоящее, здание, сзади и с правого бока, подпиралось жилыми многоэтажками, слева банк сторожил супермаркет. Перед зданием банка лежала площадка стоянки, ограниченная упитанными прутьями железной ограды. Банк, как и положено языческому капищу, сверкал стеклом и хромом. Круглые сутки напролёт светилась оранжевым апельсином эмблема этого местного денежного хранилища.

Зак сам пошёл на разведку. Идти надо было на экс в конце месяца. Либо в час дня, либо перед самым закрытием. В конце месяца в банковской кассе скапливалось достаточное количество наличных денег – люди платили за квартиру, гасили штрафы, делали вклады. В час подводились утренние итоги и сумма, как правило, выходила довольно внушительная. Не сравнить с вечерней, но всё же; причём в час дня дороги города были свободны от пробок, а вечером приходилось учитывать возможные потери времени в конце операции. А вдруг погоня? И всё же Зандер никак не мог решиться на какой-либо конкретный вариант. За неделю до экса он собрал своих бойцов на одной из двух конспиративных квартир УРА.

– Будем потрошить банк на улице Просвещения, – Зандер, сидел красный, чем-то весьма недовольный как, впрочем, и всегда.

– Какой из трёх? – Карл Бир, тридцатилетний чернорабочий, член КПФ, с пятнадцатилетним стажем, задал вопрос, который интересовал всех. Карл всегда отличался смелостью, и ничуть не тушевался под постоянно прущим, в любых беседах, кабаном напролом их придирчивым командиром. Во-первых, он был его старше, во-вторых, если Бир и уступал ему в размерах, то в силе он мог дать фору ему. Бир занимался полноконтактным каратэ, что делало его уверенным и способным в упрямстве тягаться с командиром. Высокий, с широким лбом, с лысиной католического монаха, длиннорукий и длинноногий, с открытым, горящим орлиным взглядом и ртом с тонкими губами, вдавленным ямкой под длинным с горбинкой носом, Карл внушал уважение всем, кто с ним встречался. Малый багаж знаний он компенсировал языком идеально подвешенным, словно созданным для прирождённого партийного агитатора. – Зандер, их там три. Помнишь?

– Нет, не помню, – буркнул Зак.

После его ироничного ответа группа зашумела. Нема Ваган, единственная девушка в группе, маленькая, хрупкая, с большими глазами, отодвинутыми от центра носа неприлично к вискам, носом с незаметной переносицей и толстыми ноздрями, без бровей, с розовым бутонным губ и острым подбородком на квадратном лице, решила высказаться вслед за Карлом:

– Что ты скрываешь? Нам ведь всем на экс идти.

– Ничего я не скрываю. Нечего на меня давить. Сам вам хотел все рассказать. Деньги будем брать в Апельсине.

– А-а, это тот, что в самом конце, где раньше швейная фабрика была? – Карл жил по соседству от улицы Просвещения и хорошо знал тот район, поэтому банк определили точно.

– Да.

– Почему именно его-то? – вступил в разговор Альберт Блондс. Маленький мужчина с короткой стрижкой, из-под которой просвечивал белый шрам трепанации черепа, двухгодичной давности. Сверкнув черными, глубоко посаженными глазками ящерицы, он продолжил допрашивать Зака. – Мы же хотели в центре.

– Ладно, товарищи, говорили об этом неоднократно. Может, хватит?

– Нет, не хватит, – Карл говорил спокойно и при этом сверлил Зака буравчиками голубых глаз. – Мы все равны и хотим знать – почему? И почему ты один всё всегда решаешь?

Зак едва сдерживался. Состояние вулкана распираемого, рвущейся наружу магмой, наблюдали все и не раз. Но на этот раз извержения не случилось. Командир пятёрки вздохнул и произнёс:

– Хорошо. В центре полно полиции. Уйти после экса сложнее. Предлагаемый мной апельсин стоит недалеко от перекрёстка дорог, уходить от него можно разными путями. Дороги свободны даже по вечерам. Деньги там есть, так как этот филиал самый крупный в районе.

– Ясно. Когда идём? – самый тихий член пятёрки – Юрий Рубен (белёсый, волос мало, глаза вечно красные, без ресниц, небольшого роста с прямой спиной; нижняя губа толще верхней безостановочно подрагивающей, периодически обнажала белые колышки зубов), задал вопрос по существу, выразив всеобщее согласие с решением Зака, тем самым, невольно, прекратив все дальнейшие споры.

– В следующий четверг. Входим в банк ровно в час. Пять минут на всё и уходим. Оружие у нас уже есть, машина тоже.

– Откуда машина? – Карл, продолжал любопытствовать.

Туша командира нетерпеливо заворочалась, он засопел, но всё же, ответил:

– Со знакомыми ребятами договорился. Старенький Рено. На ходу.

– Так они нас заложат! – Карл опять пошёл в атаку.

– Не заложат. Они его сами угнали, из другого города, номера перебили. Зачем он мне не знают. Так что свиньи нас по этой машине не вычислят.

– Угу. Главное, чтобы он завёлся, – выразил беспокойство, а заодно и недовольство, Бир.

– Я всё проверил! Ты что сомневаешься во мне? А? – всё же Зак, не выдержал, начал заводиться.

Бир ничего не ответил, ослабившись, не разжимая губ, откинулся на спинку стула и задрал вверх подбородок. Выждав несколько секунд, Зак, спустив лишнюю дурь с головы, сказал:

– Следующее собрание в воскресенье, обсудим всё подробно, распределим роли, прямо здесь потренируемся. Если никто больше не намерен умничать, расходимся.

Продолжать спор никто не решился. В конце концов, Зандер Зак всё устроил, как надо. Его манера общаться раздражала, но не это было самым важным в предстоящем эксе. Как всё пройдет в первый раз, решала госпожа удача. От неё зависело 99% успеха. Уходили из квартиры боевики партийцы по одному, с интервалами в десять минут. Последним покинул кооперативное гнездо Карл Бир.

Постояв минуты две у подъезда, насладившись непередаваемыми ощущениями от сиреневого, цветочного аромата воздуха мая, Карл не спеша двинулся в сторону железнодорожной станции. Жил Бир в рабочем пригороде и дома он будет не раньше полуночи. И всё же он позволял себе идти размеренным прогулочным шагом, будто на завтра у него выпадал внеочередной выходной, а не буднично физически трудный, изматывающий, рабочий день.

Подойдя к станции, он не спеша прошёл к кассам, купил билет. На платформу не стал подниматься: до его электрички было двадцать минут. Карл, закурив, завернул к таксофонам. Кинул в монетоприёмник три пфеннига, набрал номер. На втором гудке, на другом конце провода, сняли трубку.

– Код 37 13 37 6. Прошу о встрече, – пауза, Карла о чём-то спросили. – Да, лучше сегодня. – Ему ответили. – Да, понял. Там же, где и в прошлый раз. – Карл положил трубку.

Докурив, Карл отправился на платформу. Подошёл поезд и он, сев в него, укатил на встречу со своим куратором. Да, Карл Бир был внештатным сотрудником специального отряда политического управления Фаверленда. Иначе, по-простому говоря, стукачом, завербованным самим бессменным главой отряда – Гюнтером Кнудом, больше десяти лет назад. Неважно на чём таком особенным заловили Бира, но он заключил сделку в обмен на свободу став информатором. Естественно, когда горячие парни из столицы начали организовывать своё УРА, Бир

стал одним из первых, кто к ним записался. В данной ситуации Карл выступал, изначально имея тайное преимущество, незапланированным фактором провала, он играл белыми против удачи красной пятёрки Зандера, с самого начала готовя им ловушку, тюрьму и бесславный конец.

Спецотряд создали пятнадцать лет назад власти Фаверленда, сведя воедино несколько отделов, занимающихся, до этого независимо друг от друга, политическим сыском. В него попали и полицейские ищейки и оперативники из систем безопасности и конечно мясники – специалисты по разгону массовых собраний, недовольных политикой страны, граждан. За пятнадцать лет Кнут превратил своё детище в идеально отлаженный механизм подавления народных выступлений, а заодно и контроля над настроениями общества.

Полученной от Бира информацией, Кнут воспользовался с умом. Не стал брать революционеров сразу, у них дома, а решил их прищучить во время проведения ими акции с оружием в руках. Операцию разработали досконально. В Апельсин направили группу захвата, банк обложили со всех сторон. Силки для наивных глупых волчат, возомнивших себя матёрными хищниками, к назначенному сроку, были расставлены. Гюнтер ждал, с нетерпением, заслуженной добычи. Декорации к спектаклю готовы, занавес поднят, главные действующие лица спектакля на подходе.

Отслеживать перемещения революционеров Кнут запретил. Какими бы они наивными ни были, возможность того, что они могли почувствовать слежку, оставалась. Пятёрка Зака в полном составе катилась в ржавом ведре, под маркой Рено, по городу. За рулём сидел сам Зак. С самого утра он, точно похмельем, мучился сомнениями. Конечно, было безопаснее почистить Апельсин в час дня. Народу мало, но и денег, по здравым размышлениям, не так много заберёшь. Навряд ли их надолго хватит. Придётся делать ещё один экс. Роль грабителя его не только не прельщала, но даже раздражала. Поэтому возможность сразу взять солидную сумму мотивировала иначе. За один раз мешок денег и несколько лет настоящих революционных дел без подобной дурной уголовщины. Можно полностью посвятить себя политической борьбе. Уже вырвав на улицу Просвещения, он изменил своё решение. Съехав за три квартала от банка во дворы, он припарковался за мусорными ящиками.

– Эй, Зак, что мы здесь забыли? – Бир, забеспокоился.

– Ребята, – большой Зандер, с трудом повернулся правым боком к бойцам, – я думаю, нам стоит обождать до вечера.

– Да чего ждать-то! – Бир не выдержал, взбеленился. – Если идти, то надо сейчас; чего тянуть тигра за усы? Ты струсил что ли?

– Заткнись, – вяло, прикрыв веками, сверкнувшие было гневом, глаза, сказал Зандер. – Пойдём сейчас, придётся идти на экс ещё раз через три-четыре месяца. Ну что мы там сейчас сможем взять? Тысяч десять. А? Пойдём вечером, тогда сумму выигрыша можно смело умножить на пять. А это уже деньги.

– Разумно. Можно и позагорать, – Блондс был за.

– Надо идти сейчас! – Бир, понятное дело, упорствовал. – Нас здесь спокойно обнаружить могут.

– Мы ничего такого запрещённого не делаем, – Юрий, признаться, был рад отсрочке, ему ужасно не хотелось идти прямо сейчас. – Вечером и вправду возьмём больше.

– А как же пробки? – подала голос Нема.

– В этой части города они редки. Считаю, надо рискнуть, – Зак, как никогда, говорил спокойно, отчего его слова звучали особенно убедительно.

– Не к чему нам этот риск. Вы что все с ума посходили? – Бир нервничал и от этого терял позиции, со стороны смотрясь неубедительно.

Зак вынес вопрос на голосование: победил вечер. Впереди у пятёрки были пять изнурительных часов ожидания.

В назначенный информатором срок бойцы УРА в Апельсин не явились. Гюнтер Кнут прилетел специально из Давинвиля, вместе с командой оперативников и ломщиков, на задержание террористов. Всё просчитал и вдруг такая незадача. Генерал сидел в пассажирском автобусе, переоборудованном под передвижной командный пункт, припаркованном на параллельной улице носившей название Благожелательности, и чем дальше минутная стрелка убегала от цифры, обозначающей час дня, тем больше он волновался. Что могло случиться? Где шляются эти мальчишки? Недотёпы, даже на собственную акцию не могут вовремя явиться. Прошёл час, другой, и Кнут пришёл к выводу, что произошло непредвиденное. Дело не в неорганизованности революционеров, а в неизвестной и, судя по всему, весомой причине. Оставлять их на свободе было опасно. Возможно, они раскрыли информатора и тогда надо спешить. Кнут, человек среднего роста, предпочитающей генеральскому мундиру, изысканные костюмы преимущественно серой ткани, с круглым лицом потомственного кондитера и подслеповатым взглядом добряка, нервно вышагивал по салону автобуса, заложив руки за спину. Он никогда не повышал голоса на подчинённых и, тем не менее, его боялись, как огня. Внешне мягкий, внутри он был выкован из цельной болванки броневой танковой стали. За час до закрытия банка Кнут принял решение. Вызвав к себе полевого командира операции, он озвучил приказ:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.